

ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е. Б. Шестопад

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Н. Н. Рогач

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Российская Федерация, 117418, Москва, Нахимовский пр., 51/21

Статья посвящена анализу психологического состояния российского общества (ПСО) на разных этапах его трансформации. Статья базируется на трех исследованиях последних лет. Так, на первом этапе (замер конца 2017 г.) стабильного политического развития перед президентскими выборами 2018 г. для ПСО были характерны высокий уровень консолидации общества вокруг президента, улучшение восприятия основных политических акторов, ослабление комплекса «национальной неполноценности», который сложился в обществе начиная с середины 1980-х годов и продолжался до Крымской весны. В то же время эти позитивные характеристики уживались с рядом негативных тенденций: политической апатией и цинизмом. На втором этапе, в период пандемии (замеры весны — осени 2021 г.) в психологическом состоянии российского общества усилились негативные тенденции. Коронавирус оказал сильнейшее влияние на российских граждан, существенно ослабив наше общество. Изменения условий жизни отразились на образах власти, политических институтов и лидеров, трансформировали политические представления и ценности россиян, которые погрузились в состояние депрессии и оказались совершенно демобилизованы перед лицом рисков и угроз, вставших перед страной. На третьем этапе (замер апреля — мая 2022 г.), специальная военная операция, полностью вытеснив угрозу пандемии из массового сознания граждан, привела к невиданному ранее переформатированию массового сознания российского общества. Произошла существенная консолидация общества вокруг президента, причем это не только ситуативная консолидация вокруг флага. Произошло закрепление тех глубоких позитивных изменений, которые начались в 2014 г. и которые сейчас доминируют. Крымский консенсус превратился в Донбасский консенсус. В то же время усилился ценностный раскол в обществе.

Ключевые слова: психологическое состояние российского общества, политическое восприятие, образы власти, политические ценности, представления, установки, эмоциональные реакции граждан, коронавирус, специальная военная операция.

ВВЕДЕНИЕ

Психологическое состояние российского общества сегодня отличается чрезвычайной изменчивостью и неустойчивостью. За последние два-три десятилетия оно значительно трансформировалось. Эти изменения были обусловлены и нашими национальными процессами, и глобальными факторами. Так, некоторые социальные мыслители, в частности Джамаис Кашио [Cascio, 2003; Cascio, 2004], высказали предположение, что в мире в целом происходят кардинальные изменения социальной реальности, выделив при этом несколько периодов и, соответственно, ее моделей. Так, Кашио полагает, что традиционная социальная реальность, которая была относительно предсказуема, привычна и понятна людям, завершила свое существование во второй половине 1980-х годов. Эта новая реальность получила название VUCA, что расшифровывается по первым буквам английских слов нестабильность (**V**olatility), неопределенность (**U**ncertainty), сложность (**C**omplexity) и неоднозначность (**A**mbiguity). Период VUCA длился с конца 1980-х до 2020 г. В нашей стране этому периоду соответствовали перестройка, затем распад СССР и возникновение новой постсоветской политической и социальной системы. VUCA-реальность продлилась достаточно долго, чтобы человек начал к ней адаптироваться.

Вот тут-то и случилась пандемия. А с ней начался новый период трансформации социальной реальности, который затронул все страны и в нашей стране переформатировал образ жизни, вызвал множество психологических изменений, повлиял на политику. Эта новая модель социальной реальности получила у Кашио название BANI и отличается такими качествами, как хрупкость (**B**rittle), беспокойство (**A**nxiety), нелинейность (**N**onlinear) и непостижимость (**I**ncomprehensible).

На фоне этих глобальных трансформаций социальной реальности в России были свои поворотные моменты, которые стали важными вехами в ходе трансформации психологического состояния российского общества (ПСО). Можно заметить, что по своим временным параметрам они в целом укладываются в схему, предложенную Кашио, хотя и имеют свои отличительные черты. Так, период VUCA у нас, в свою очередь, можно разделить на два этапа. Первый — с середины 1980-х и до 2014 г. Он переживался нашим обществом весьма остро и драматично и сохранял в себе еще остатки традиционных советских представлений и практик, с которыми уживались и новые «вуковские» характеристики, будучи и сложным, и неопределенным, и нестабильным, и неоднозначным во многих отношениях. Второй этап уже полностью подпадает под описание VUCA. Он длился с 2014 по 2020 г. Затем в пандемию (2020 — январь 2022), собственно, и наступает новый период BANI. Ему прочат 20–30 лет, но с началом специальной военной операции 24 февраля 2022 г. в российском обществе, как нам представляется, ПСО приобретает новые черты. Можно полагать, что не только в нашей стране, но и в мире в целом эти события сильно изменят социальную реальность BANI, которая явно отличается от BANI образца пандемии.

В политическом сознании граждан процессы трансформации, подобно течениям большой реки, нередко идут в разных направлениях и с разной скоро-

стью, отличаясь на поверхности и в глубине. Но при этом ток воды в русле все равно остается общим. Процессы психологические в России отличаются такой же нелинейностью и изменчивостью. Однако в этом потоке текучих настроений, установок, образов все же проступают некие тенденции, и задача исследователя состоит в том, чтобы попытаться понять их смысл, периодизировать и по возможности спрогнозировать их развитие. Сделать это чрезвычайно сложно, ведь если политическую обстановку и, соответственно, состояние общества можно было охарактеризовать как более или менее стабильное, то начиная с февраля этого года процессы трансформации не просто ускорились, но и приобрели экстраординарный характер. Отсюда и вопрос, который встал перед теми, кто ведет исследования ПСО: что происходит в нашем обществе сейчас и в каком направлении дальше может пойти его трансформация? Насколько устойчивыми окажутся те тенденции, которые сложились в последнее время и хорошо описаны политическими социологами и психологами? Попытаемся рассмотреть три эти этапа российской социальной реальности с точки зрения политико-психологических механизмов.

В нашем исследовании мы видели задачу в том, чтобы рассмотреть этапы трансформации психологического состояния российского общества за последние пять лет, выделить и проанализировать наиболее значимые события, оказавшие влияние на психоэмоциональное состояние граждан, и попытаться найти ответ на эти вопросы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение ПСО сегодня является одним из наиболее актуальных направлений исследований в социальной психологии, социологии и политологии. Востребованность данной темы обусловлена растущим числом социально-экономических, социокультурных, эпидемиологических угроз, с которыми сталкивается российское общество и которые оказывают на него влияние [Шестопал, Селезнева, 2018; Дейнека, Максименко, 2020; Нестик и др., 2021; Горшков, Тюрина, 2021].

Так, в социальной психологии одним из наиболее распространенных и разработанных подходов к оценке ПСО является макропсихологический подход, согласно которому интегральная оценка ПСО определяется показателями психологической устойчивости и социально-психологического благополучия граждан [Юревич, 2019], а также соотношением характеристик актуального и будущего ПСО с учетом выраженности его поляризации [Лебедев, Гордякова, 2019]. В научной литературе по социальной психологии достаточно подробно изложены результаты исследований отдельных компонентов ПСО [Овчинникова, 2018; Макушева, Нестик, 2020; Ильных, Мельникова, 2021].

Работы отечественных социологов по большей части посвящены изучению динамики тех или иных психоэмоциональных состояний граждан. Особого внимания заслуживают исследования «социального самочувствия» — эмоционально-оценочного отношения людей к окружающей их социальной действительности [Сметанин, Сметанина, 2021], страхов и тревог отдельных социальных

групп [Аносов, 2020; Аносов, 2021]. Отметим, что в социологических опросах обычно применяются стандартные методы количественного характера, что позволяет ученым статистически точно определять степень распространенности тех или иных состояний в обществе, однако не дает ответа на вопрос об их влиянии на сознание и поведение граждан.

Стремительные изменения в общественно-политической жизни современной России и мира четко обозначили значимость изучения психологических аспектов политического процесса [Nussbaum, 2015; Yohan, Coicaud, Popovski, 2015]. Разработкой темы ПСО в отечественной политической науке занимаются преимущественно политические социологи [Российское общество..., 2017] и политические психологи [Власть и лидеры..., 2019], анализирующие конкретные эмоциональные состояния людей с учетом текущего социально-политического, культурного и других аспектов.

Наличие большого количества подходов к изучению ПСО создает определенные теоретико-методологические проблемы, связанные как с дефиницией самого понятия, так и с определением структуры ПСО. Мы понимаем психологическое состояние общества как **совокупность массовых и коллективных переживаний, представлений, образов, ценностей и установок, влияющих на функционирование публичной политики**. ПСО проявляется в процессе восприятия гражданами политических объектов и отражается в эмоционально-оценочных компонентах политических образов, формирующихся в массовом сознании в результате этого процесса.

ПСО нельзя сводить исключительно к **ситуативным**, неустойчивым и зачастую неосознаваемым настроениям, страхам и ожиданиям, возникающим как своеобразная форма реакции на текущие события в социально-политической и других сферах жизни общества. В нем есть и **более глубокие слои**, отражающие состояние идентичности, традиционные ценности национальной политической культуры или, напротив, модернистские, глобалистские ценности и представления, глубокие установки к власти и пр. Последние составляют устойчивое ядро ПСО, тогда как первые — ее более изменчивую периферию.

Таким образом, наш подход к оценке состояния общества сфокусирован на анализе динамики политического контекста и психологической реакции на него общества. При этом основное внимание уделяется не столько распространенности тех или иных позиций и настроений в обществе, сколько связям между ними, которые позволяют выделять политико-психологические типы отношения граждан к той или проблеме, прогнозировать возможные сценарии развития ПСО.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье мы анализируем эмпирические данные трех качественно-количественных исследований, проведенных на кафедре социологии и психологии в разные годы. Их инструментарий имеет некоторые отличия, однако в нем были и повторяющиеся позиции, которые позволяют нам провести сравнение. Мы сосредоточили внимание на выявлении, анализе и интерпретации общих тен-

денций психологического состояния российского общества на наиболее важных этапах его трансформации за последние годы, в частности: первый период — стабильное политическое развитие (замер ноября 2017 г. накануне президентских выборов 2018 г.), второй период — пандемия (замеры весны — осени 2021), и третий период — специальная военная операция (замер мая 2022 г.).

Для анализа ПСО **первого периода** мы использовали материалы исследования образов власти, политических установок и ценностей, проведенного на кафедре социологии и психологии политики осенью 2017 г., в рамках которого было опрошено более 700 респондентов в Москве и нескольких регионах России [Шестопал, 2018].

Для анализа ПСО **второго периода** — пандемии — были использованы материалы исследования кафедры, направленного на изучение эмоциональных реакций населения на текущие события в социально-политической сфере: массовых и коллективных настроений, представлений и ожиданий и политических образов. Исследование проходило в два этапа, в рамках первого из которых (весна — осень 2021 г.) было проведено 478 глубинных интервью в 8 регионах России, а также 6 фокус-групповых дискуссий в Москве [Смулькина, Рогач, 2022].

Третий этап исследования проводился в апреле — мае 2022 г., после начала специальной военной операции. В нем приняло участие 70 респондентов из 8 субъектов РФ, отличающихся друг от друга по типу административно-территориального устройства, культурным традициям и др.

Отметим, что эмпирические данные не являются репрезентативными для страны в целом, так как проведенные исследования носили преимущественно качественный характер. Тем не менее вся выборка была уравновешена по параметрам пола, возраста и уровня образования респондентов.

В исследовании применялся ряд специальных методов качественно-количественного характера, позволивших изучить как рациональные, так и неосознаваемые аспекты процесса восприятия гражданами окружающей их социально-политической действительности: глубинное фокусированное интервью, проективные техники (направленные и ненаправленные ассоциации, рисунок власти, «термометр» и др.), метод неоконченных предложений, метод фокус-групповых дискуссий. Ответы респондентов на открытые вопросы подвергались процедурам кластеризации, группировки, содержательному анализу, кодированию и шкалированию. Для обработки статистических данных использовались программы MS Excel и SPSS Statistics.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Психологическое состояние российского общества в стабильный период политического развития

Для того чтобы более ясно понимать, в каком состоянии находилось российское общество в стабильный период, предшествовавший пандемии, нам необходимо обратить внимание на социально-политические процессы, которые им предшествовали.

Начнем с времени, которое вообрало в себя два президентства — президентство Д. А. Медведева (2008–2012) и третий срок В. В. Путина (2012–2018). Этот период характеризуют тенденции, зародившиеся в 1990–2000-е и связанные с кризисом самоидентификации, с саморазрушительным видением самих себя и своей страны как слабых, отсталых, несамостоятельных. С этим во многом было связано нарастание кризисных явлений, затронувших и внутреннюю политику (рост протестных настроений в конце президентского срока Д. А. Медведева), и внешнюю политику, особенно санкционное давление после 2014 г. Для российского общества Крымская весна, конфликт на Украине, операция в Сирии стали драйверами перемен. Может показаться, что набор этих событий случаен, но в масштабе более чем трех постсоветских десятилетий эти события укладываются в достаточно четкую схему: разрушение и утрата национальных приоритетов в 1990-х — начало возвращения к своей национальной «норме» и своим национальным интересам во второй половине 2000-х и решительный разворот страны к своим политическим и социально-культурным традициям в 2014 г.

Присоединение Крыма к России и последующая за ним волна санкций Запада против нашей страны сильно подтолкнули российское общество к консолидации вокруг власти, помогли нам в поиске ответа на вопрос: кто мы такие? Этот ответ оказался во многом связан с осознанием особого пути России, отличия нас от Запада по ключевым политическим целям и ценностям. Именно события 2014 г. позволили критически ослабить тот комплекс «национальной неполноценности», который доминировал в нашем обществе начиная с перестройки. Этот процесс шел нелинейно, но, несмотря на определенные зигзаги, фундаментальные сдвиги, причем именно в ценностном ядре ПСО, произошли уже тогда. Этот «комплекс национальной неполноценности» после 2014 г. для **большинства граждан** остался в прошлом, хотя его остаточные проявления были нами выявлены у отдельных групп населения тогда и встречаются до сих пор.

Наряду с этими глубинными процессами в ПСО происходили и поверхностные, ситуативные изменения, которые отражались в политическом сознании граждан. Восприятие власти в ее различных проявлениях на момент первого этапа исследования (ноябрь 2017 г.) характеризовалось ростом авторитета многих конкретных институтов и ветвей власти (по сравнению с обобщенным образом власти как таковой) и уменьшением влияния силовых структур (армии, суда, прокуратуры). Самым влиятельным институтом власти, как и прежде, был институт президентства (94,4 %). Начавшееся было привыкание граждан к сложившейся после 2016 г. партийной системе и тенденция рационализации политического процесса, заимствованная на Западе, постепенно стали уступать место более глубоким, традиционным представлениям о власти как о власти конкретных лидеров.

В 2017 г. мы фиксировали явные проявления демобилизованности и политической апатии, что выражалось в падении интереса граждан к политике, снижении их готовности участвовать в разных формах политического поведения. Так, например, в 2014 г. о своем желании прийти на выборы заявляли практически

84 % респондентов, тогда как в 2017 г. эта цифра снизилась до 64 %. Эти данные мы интерпретировали не только как проявление безразличия к политической жизни страны (почти 22 % опрошенных не хотели участвовать в политике ни в какой форме), но и как снижение привлекательности всех форм власти. Тем не менее, несмотря на этот тренд, в массовом сознании все же сохранялась готовность признавать закон (88,7 %) и власть в государстве (82,5 %).

Исследуя потребности и социально-политические ожидания наших граждан в этот период, мы видели, что, несмотря на все экономические трудности и снижение реального уровня дохода россиян, отношение к власти определяли не материальные потребности. Куда больше людей интересовали вопросы безопасности (17,1 %), связанные с напряженной обстановкой на международной арене, а также проблема недостаточности социальных лифтов и возможностей для профессионального роста (18,5 %).

Резюмируя, отметим, что ПСО в этом первом периоде можно охарактеризовать как более-менее «стабильное». Несмотря на некоторые зафиксированные позитивные сдвиги в восприятии некоторых институтов власти и конкретных политических лидеров, в обществе был достаточно распространены политический цинизм, негативное восприятие власти в целом, которые периодически выплескивались в форме протестных акций. К концу этого периода активные протестные настроения сменились более пассивными и депрессивными проявлениями негативизма.

Психологическое состояние российского общества в период пандемии

Пандемия коронавируса, обрушившаяся на мир весной 2020 г., коренным образом изменила привычные условия жизни российских граждан и стала серьезным испытанием для их отношений с властью. Травмирующим фактором стало полное изменение образа жизни, сокращение контактов с людьми, усиление тревоги, невротизация. Два чувства — неуверенность в завтрашнем дне и страх — доминировали в этот момент в российском обществе.

В этой беспрецедентной кризисной ситуации психика людей стала менее устойчивой, что, в свою очередь, напрямую отразилось на всех сферах их жизни, в том числе и политической. Так, согласно результатам нашего исследования, проведенного в октябре 2021 г., в обществе заметно накопились негативные эмоции и настроения (см. табл. 1).

В большей степени негативное отношение граждан к власти было обусловлено введением жестких мер по борьбе с распространением болезни — об этом заявило более 41 % опрошенных. Тем не менее нужно отметить, что более 27 % участников исследования позитивно оценили решительные действия властей. В ответах была высока и доля амбивалентных оценок, что может указывать на то, что россияне все же не были единодушны в данном вопросе. Несмотря на общие негативные реакции, связанные прежде всего с изменением привычного уклада жизни, многие действия властей по борьбе с ковидом оценивались гражданами скорее со знаком плюс. Так, например, одним из наиболее

Таблица 1. Какие чувства Вы испытываете в последнее время по отношению к власти?

Эмоциональный знак	Октябрь 2021, %
Позитивные чувства	18,3
Негативные чувства	46,5
Нейтральное отношение	12
Амбивалентные чувства	9,8
Отсутствие каких-либо чувств	13
Нет ответа	0,4

Источник: данные авторов.

часто упоминаемых сюжетов, позитивно оцениваемых обществом, стали социальные выплаты по 10 000 рублей наиболее нуждающимся категориям граждан, которые были восприняты как серьезная поддержка общества со стороны государства. Отметим, что наряду с высокой значимостью вопросов здоровья и жизни (33,3%) чрезвычайно актуализировались вопросы материального характера (42,3%).

Общее психоэмоциональное состояние российского общества в 2021 г. можно охарактеризовать как негативное. Эмоциональный фон был во многом окрашен как самой пандемией, бушующей в стране, так и непоследовательными заявлениями и действиями властей по борьбе с ней. Это привело к тому, что в обществе воцарилось перманентное состояние тревоги, неуверенности в завтрашнем дне и общей психологической и эмоциональной неустойчивости.

В таких условиях возросло количество амбивалентных эмоциональных оценок политической реальности — при общем тренде на снижение доверия общества к власти ее определенные действия, направленные на снижение состояния нестабильности, определенно находили позитивный отклик в политическом сознании россиян. Однако исследование показало, что разъяснений власти о важности принимаемых антиковидных мер явно оказалось недостаточно — кампания по вакцинации стала восприниматься как принудительная и существенно повысила градус социальной напряженности.

Тем не менее, несмотря на преобладание негативных настроений в обществе, российские граждане все же с оптимизмом смотрели в будущее. Они надеялись, что выход из коронакризиса станет драйвером для решения многих накопившихся вопросов: улучшения социально-экономических условий жизни россиян (инфраструктуры, системы здравоохранения, образования и др.), роста ответственности, активности и зрелости общества, выстраивания новых эффективных каналов коммуникации между властью и гражданами и др.

При том что люди нередко упрекали власть в непоследовательности решений и заявлений, подобная оценка ее «несостоятельности» оказала положительный эффект на политическое сознание наших граждан: более 30% опро-

шенных отметили, что ответственность за их благополучие теперь зависит не только от государства, но и от них самих (30,8%).

Таким образом, для понимания характера ПСО в период пандемии стоит отметить, *во-первых*, снижение общего эмоционального фона. За полгода до начала специальной военной операции негативные эмоции разного рода испытывало около половины опрошенных. Этот фактор серьезно ослаблял общество. Но даже те, кто оценивал власть и государство со знаком минус и испытывал раздражение, страх и тревогу, все же, как правило, видели перспективу выхода из кризиса не в смене власти, а в социальных и экономических преобразованиях, которые должна провести все та же власть.

Во-вторых, в условиях явного нарастания угроз и во внутренней, и во внешней политике к концу периода пандемии население психологически к ним было не готово. ПСО не было адекватно тем вызовам, которые стояли перед нашей страной. Мы продолжали жить как раньше, как будто ничего не происходит. Несмотря на то, что мы знали о существовании потенциальных угроз, — мы не действовали. Но главная проблема заключалась в том, что в таком состоянии находилось не только общество, но и политическая элита, отвечающая за мобилизацию населения.

Во время пандемии коронавируса, как и в ходе других эпидемий, российское общество последовательно проходило три стадии: панику, войну и повседневность. Наши граждане достаточно быстро прошли первую фазу паники (2020 г.) и в 2021 г. вступили в фазу «войны» с инфекцией. О переходе к повседневности можно было говорить начиная с осени 2021 г. А с началом же военной спецоперации пандемия вообще исчезла из массового сознания и перестала восприниматься как реально существующая угроза.

Психологическое состояние российского общества после начала специальной военной операции (апрель — май 2022 г.)

Начало специальной военной операции (СВО) еще в большей степени, чем предшествовавшая ей пандемия, оказалось для общества неожиданностью. Именно полной демобилизованностью погруженного в глубоко депрессивное состояние общества в период пандемии можно объяснить резкость его «пробуждения».

Главным психологическим эффектом первых дней и даже недель после 24 февраля стал сильнейший эмоциональный шок у большинства наших респондентов. Более 81% из них отмечали, что начало СВО стало событием, вызвавшим у них наиболее сильные негативные эмоции за последний год. Чувство тревоги и страха зашкаливало вплоть до физиологических проявлений: многие люди говорили о том, что несколько первых дней они не могли есть, спать и «дышать». Больше половины опрошенных (58,6%), оценивая силу эмоционального воздействия событий конца февраля — начала марта на свое состояние, присвоили ей максимальный уровень по предложенной нами шкале (5 из 5).

Полученные данные свидетельствуют, что начало СВО полностью вытеснило сюжеты, связанные с пандемией. Одновременно существенно изменился

потребностный профиль граждан. Так, материальные потребности, которые доминировали на предыдущем этапе, резко снизились, уступив место потребности в собственной безопасности и безопасности близких, тогда как почти все остальные потребности были отодвинуты на второй план (см. табл. 2).

Таблица 2. Что, по Вашему мнению, больше всего сейчас тревожит российское общество?

Потребности	Октябрь 2021, %	Апрель 2022, %
Материальные потребности	42,3	10,8
Потребность в безопасности	33,3	75,7
Потребность в любви (заботе)	0,5	4,1
Потребность в самореализации (развитии)	8	0
Потребность в самоактуализации	0,8	0
Другое	13,7	1,4
Нет ответа / затрудняюсь ответить	1,4	8

Источник: данные авторов.

Первые недели после начала СВО можно охарактеризовать как «стадию паники». Реакцией на стресс стали и проявления истеричного поведения, особенно у психологически неподготовленных предшествующим опытом к таким событиям людей среднего и младшего возраста. Истерия подтолкнула к отъезду ряд представителей богемы, испугавшихся выхода из зоны комфорта и не готовых терпеть бытовые неудобства, не говоря уже о серьезных жертвах. Эти настроения затронули не только творческую интеллигенцию, но и более широкий слой образованных и небедных людей с космополитическими взглядами, многие из которых своей работой и образом жизни были прочно связаны с Западом. Не все они уехали, но многие об этом всерьез размышляли, ведь они потеряли не только привычный образ жизни, работу, но и привычные смыслы и ценности, поставленные этими событиями под вопрос.

Стадия «паники» подпитывалась и нереалистичными ожиданиями быстрого окончания военной операции, и ее трактовкой как «войны со слабым противником», которого наша армия одолеет легко и быстро. Когда стало понятно, что военные действия не закончатся в короткие сроки и мы погружаемся в масштабный военный и политический конфликт, началась вторая стадия — «стадия привыкания» к ситуации, обживание в ней.

В течение марта — апреля произошла существенная дифференциация политических позиций в обществе. Ответы респондентов поражают полярностью оценок, без всяких полутонов. Общество резко раскололось на тех, кто принимает и поддерживает спецоперацию (они очевидно преобладают), и тех, кто резко ее отвергает. Последние составили в нашем опросе не более 15,9%. При этом каждый пятый респондент высказывал мнение, что скорейшее окончание

спецоперации будет способствовать «выздоровлению» российского общества, его консолидации.

Главное эмоциональное переживание в настоящее время — это страх перед неопределенностью и отсутствием ясности. На вопрос «Что, по Вашему мнению, больше всего сейчас тревожит российское общество?» часто звучали такие ответы: «Отсутствие четкого сценария будущего, рост цен», «Много чего... Что дальше будет, непонятное будущее», «Неопределенность в связи со спецоперацией и ее последствия» и т. п. Тем не менее психоэмоциональное состояние граждан нельзя охарактеризовать как однозначно пессимистическое. Данные показывают, что россияне, несмотря ни на что, все же сумели сохранить надежду на светлое будущее — 45,7% респондентов испытывают положительные чувства, проецируя образ ближайшего будущего России.

При этом обеспечить это светлое будущее должна именно власть (51,4%), а не само общество (5,7%). Так, спрашивая граждан «Что могло бы сделать российское общество более позитивным и оптимистичным?», мы получали в ответ: «Простое и понятное объяснение планов страны на ближайшее будущее», «определенность», «когда появится возможность планирования своей жизни, ощущение стабильности». Таким образом, запрос к власти сейчас — это запрос на выработку четкой, логичной и непротиворечивой политики, понятной гражданам.

Ожидания граждан в отношении власти в настоящий момент весьма разнообразны, но их можно свести к трем основным типам. **Первый** — это ожидания от власти решительности и последовательности в специальной военной операции: «Не сдавать позиции, не уступать перед Европой и Америкой, верить в себя, в свои силы. Перестать быть вассалами. Перестать испытывать чувство неполноценности перед сильными государствами». Важно отметить, что более 88% опрошенных хотят видеть власть сильной и решительной. **Второй тип** ждет от власти внимания, заботы: «Поддержки, заботы и мирного неба» (45,7%). И **третий тип** — это отсутствие каких-либо ожиданий: «Пусть не мешает. Со своими маленькими трудностями мы справимся сами». Таких ответов было около трети.

Резюмируя, отметим, что оценивать ПСО в настоящее время довольно сложно. Чисто количественный анализ затушевывает многообразие важных оттенков. Многие высказывания респондентов содержат второе дно и включают в себя много слабо осознаваемых образов и оценок. В рамках данной статьи представлены результаты первого политико-психологического исследования ПСО, в рамках которого нам удалось зафиксировать психоэмоциональное состояние российских граждан на его пике. Вне всяких сомнений они нуждаются в дальнейшем осмыслении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к метафоре о разных течениях одной реки, можно предположить, что произошедший уже глубинный поворот от комплекса национальной неполноценности к гордости за свою страну с началом СВО стал необратимым.

Этот глубинный тренд будет определять главный вектор развития нашего общества. Он, конечно, выглядит по-разному в разных социальных, профессиональных, возрастных и территориальных группах, в мегаполисах и в регионах, но именно этот тренд лежит в основе требований к власти быть решительной, сильной, последовательной и внутри страны, и вне ее.

Подводя итог представленных результатов исследования психологического состояния российского общества, обратим внимание на те сдвиги, которые в нем произошли в результате всех трех этапов нашего политического развития последних лет.

1. Период стабильного политического развития характеризовался как позитивными трендами развития: высоким уровнем консолидации общества вокруг президента, улучшением восприятия основных политических акторов, так и рядом негативных психологических явлений: в обществе сохранился политический цинизм, негативное восприятие власти в целом, которые периодически выплескивались в форме протестных акций. К концу этого периода активизм, имевший форму протестных настроений, сменился более пассивными проявлениями негативизма.

2. Период пандемии окончательно утвердил доминирование негативизации ПСО в самой пассивной ее форме. Главным в этот период стало небывалое снижение общего эмоционального фона. Общество оказалось совершенно демобилизовано и не было готовым к отражению тех угроз, которые нарастали как внутри страны, так и шли извне.

Как это ни удивительно, но период пандемии при всех его негативных последствиях оставил в сознании граждан весьма **позитивные оценки** власти. Этот позитивный след сработал на принятие и более положительный отклик на действия властей уже сейчас. Особенно интересно, что впервые за постсоветский период власть стала вызывать не только уважение, но и «чувства признательности за поддержку русского народа и русских людей на Донбассе», гордости: «Я впервые полюбила нашу власть, давно не испытывала к ней такого уважения».

3. Сама по себе военная операция привела к невиданному ранее переформатированию массового сознания российского общества. Произошла не просто ситуативная реакция на военную угрозу, которую нередко называют консолидацией вокруг флага, но были зафиксированы более глубокие процессы преодоления кризиса национальной идентичности, которые начались с событий в Крыму в 2014 г. и окончательно возвратили наше общество к самому себе. Таким образом, общество прошло логическую трансформацию от Крымского консенсуса до Донбасского, пройдя при этом через депрессию периода пандемии. Вопреки ожиданиям внешних недоброжелателей наша страна не рассыпалась перед лицом внешних угроз и экономических санкций, а, напротив, сосредоточилась и консолидировалась вокруг президента.

4. Наряду с консолидацией в обществе проявились и центробежные тенденции. Ряд социальных групп негативно отреагировал на действия государства по защите национальных интересов, и, хотя они составляют меньшинство, наличие этого раскола требует от государства выверенных и умелых решений, которые не приведут к увеличению разрыва между разными группами населения.

5. Следует отметить чрезвычайное усиление эмоциональной составляющей политического сознания. В настоящий момент эмоциональный градус ПСО отличается силой и насыщенностью. Это относится и к образам абстрактной власти, и к политикам, ее олицетворяющим, особенно к президенту В. В. Путину. Отношение к нему стало очень личностным, как со знаком плюс, так и со знаком минус, но последних оценок немного, несмотря на достаточно негативный, хотя и явно улучшившийся в настоящее время, образ власти в целом.

6. Другой тренд, который пока слабо проявляется на поведенческом уровне, но ярко заявлен на уровне ценности, — это политический активизм. Граждане начинают понимать, что время пассивности себя исчерпало и ожидать только от власти решения всех проблем — невозможно. Общество уже ощущает, что оно должно наравне с властью включаться в решение проблем. Это собственно и есть мобилизация, которая явно запаздывает в нынешней ситуации. Тут, наверное, стоит говорить не только о жизненной необходимости доверия граждан к власти, но и о доверии власти гражданам. Конечно, в развитии активизма есть свои риски. Активизм чреват подъемом оппозиции, а «низовой патриотизм» может обернуться определенными перегибами и перекосами. Но все же без активности обществ, силами одной власти страну поднять вряд ли получится.

Литература

Аносов С. С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.

Аносов С. С. Социально-психологическое состояние российского общества // Социология. 2021. № 3. С. 5–12.

Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / отв. ред. Е. Б. Шестопал. М.: Весь Мир, 2019. 656 с.

Горшков М. К., Тюрина И. О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии covid-19 // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 739–754.

Дейнека О. С., Максименко А. А. Оценка психологического состояния общества в условиях инфодемии посредством анализа социальных сетей: обзор зарубежных публикаций // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 2. С. 28–39.

Ильиных С. А., Мельникова А. С. Социальный оптимизм и социальная активность молодежи: точки пересечения // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 40–45.

Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 2 (14). С. 22–45.

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.

Нестик Т. А., Селезнева А. В., Шестопал Е. Б., Юревич А. В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 5. С. 3–14.

Овчинникова Ю. Е. Влияние высших социальных чувств на отношение к социально-экономическим изменениям в стране // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. №4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/35PSMN418.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2017. 427 с.

Сметанин А. В., Сметанина Л. М. К вопросу понятия «социальное самочувствие» // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230, № 4. С. 312–318.

Смулькина Н. В., Рогач Н. Н. Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 2. С. 138–147.

Шестопап Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.

Шестопап Е. Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 г. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 203–220.

Юревич А. В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 84–96.

Cascio J. Broken Dreams (Transhuman Space). Steve Jackson Games, 2003. 144 p.

Cascio J. Toxic Memes (Transhuman Space). Steve Jackson Games, 2004. 147 p.

Nussbaum M. C. Political emotions: Why love matters for justice. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2015. 480 p.

Yohan A., Coicaud J.-M., Popovski V. (eds). Emotions in international politics: Beyond mainstream international relations. New York: Cambridge University Press, 2015. 434 p.

Шестопап Елена Борисовна — д-р филос. наук, проф.; shestop0505@rambler.ru

Рогач Николай Николаевич — канд. полит. наук, мл. науч. сотр.;
nickolayrogach@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 1 июня 2022 г.;

рекомендована к печати: 7 марта 2023 г.

Для цитирования: Шестопап Е. Б., Рогач Н. Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 2. С. 150–165.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.201>

STAGES OF TRANSFORMATION OF THE PSYCHOLOGICAL STATE OF RUSSIAN SOCIETY: POLITICO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Elena B. Shestopal

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; shestop0505@rambler.ru

Nikolay N. Rogach

Institute of Scientific Information
in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
51/21, Nakhimovskiy pr., Moscow, 117418, Russian Federation; nickolayrogach@gmail.com

The article is devoted to the analysis of psychological state of Russian society (PSO) at different stages of its transformation. The article is based on three studies of recent years. Thus, during the first stage (study of November 2017) before Presidential elections of 2018 we have found the high level of societal consolidation around the President, improvement of perception of all the main political actors, weakening of the complex of “national inferiority” that was formed from the mid-1980-s till the “Crimean spring”. At the same time, these positive characteristics got along with negative trends; political apathy and cynicism. At the second stage — the pandemic period (study of spring — autumn 2021) PSS had substantially declined. COVID-19 strongly weakened the Russian society. Change of the life conditions was reflected in images of authorities, power

institutions and leaders, transformed political predispositions and values of Russians who experienced severe depression and were totally demobilized in the face of the threats that grew more and more both from inside and from outside. At the third stage (study of April — May 2022) special military operation in Donbas had totally ousted pandemia from the public mind and caused reformatting of mass consciousness never seen before. One could observe high consolidation of society around the president. It is not just a situational consolidation around a flag. Deep positive trends that started to be formed in 2014, have strengthened and now dominate. Crimean consensus turned into Donbas consensus. Simultaneously the value split took place.

Keywords: psychological state of Russian society, political perception, images of power, political values, ideas, attitudes, emotional reactions of citizens, coronavirus, special military operation.

References

- Anosov S. S. Problematic areas of civic activity in modern Russia. *Sotsiologiya*, 2020, no. 4, pp. 4–21. (In Russian)
- Anosov S. S. Socio-psychological state of Russian society. *Sotsiologiya*, 2021, no. 3, pp. 5–12. (In Russian)
- Cascio J. *Broken Dreams (Transhuman Space)*. Steve Jackson Games, 2003. 144 p.
- Cascio J. *Toxic Memes (Transhuman Space)*. Steve Jackson Games, 2004. 147 p.
- Deineka O. S., Maksimenko A. A. Assessment of the psychological state of society in the conditions of infodemia through the analysis of social networks: a review of foreign publications. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*, 2020, no. 2, pp. 28–39. (In Russian)
- Gorshkov M. K., Tyurina L. O. The state and dynamics of the Russian mass consciousness and behavioral practices under the covid-19 pandemic. *RUDN Journal of Sociology*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 739–754. (In Russian)
- Ilyinykh S. A., Melnikova A. S. Social optimism and social activity of youth: points of intersection. *Society: sociology, psychology, pedagogics*, 2021, no. 12, pp. 40–45. (In Russian)
- Lebedev A. N., Gordyakova O. V. The psychological condition of society and the psychological phenomenon of polarization. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2019, vol. 4, no. 2 (14), pp. 22–45. (In Russian)
- Makusheva M. O., Nestik T. A. Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 6, pp. 427–447. (In Russian)
- Nestik T. A., Selezneva A. V., Shestopal E. B., Yurevich A. V. The problem of the psychological state of society and political process in modern Russia. *Voprosy psikhologii*, 2021, vol. 67, no. 5, pp. 3–14. (In Russian)
- Nussbaum M. C. *Political emotions: Why love matters for justice*. Cambridge: MA, London: Belknap Press of Harvard University Press, 2015. 480 p.
- Ovchinnikova Yu. E. The influence of higher social feelings on attitudes towards socio-economic changes in the country. *Internet-zhurnal "Mir nauki"*, 2018, no. 4. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/35PSMN418.pdf> (accessed: 20.06.2022). (In Russian)
- Power and Leaders in Perception of Russian Citizens. A quarter century of observations (1993–2018), ed. by E. B. Shestopal. Moscow: Ves' Mir Publ., 2019. 656 p. (In Russian)
- Russian Society and Challenges of The Time. Book Five, ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: Ves' Mir Publ., 2017. 427 p. (In Russian)
- Shestopal E. B. Psychological swings in mass political mentality of Russian citizens before presidential elections of 2018. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, no. 41, pp. 203–220. (In Russian)
- Shestopal E. B., Selezneva A. V. Socio-Cultural Threats and Risks in Contemporary Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2018, no. 10, pp. 90–99. (In Russian)
- Smetanin A. A., Smetanina L. M. On the question of the concept of «Social well-being». *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2021, vol. 230, no. 4, pp. 312–318. (In Russian)

Smulkina N. V., Rogach N. N. The psychological condition of Russians of different ages: Political and psychological analysis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 138–147. (In Russian)

Yohan A., Coicaud J.-M., Popovski V. (eds). *Emotions in international politics: Beyond mainstream international relations*. New York: Cambridge University Press, 2015. 434 p.

Yurevich A. V. Experience of empirical assessment of the psychological state of modern Russian society (analysis of statistical data). *Psychological Journal*, 2019, vol. 40, no. 5, pp. 84–96. (In Russian)

Received: July 1, 2022

Accepted: March 7, 2023

For citation: Shestopal E. B., Rogach N. N. Stages of transformation of the psychological state of Russian society: Politico-psychological analysis. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 150–165. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.201> (In Russian)